

САША НАСПИНИ

КИСЛОРОД

Саша Наспини

Кислород

Издательство «Синдбад»

2019

Наспини С.

Кислород / С. Наспини — Издательство «Синдбад», 2019

ISBN 978-5-00-131502-5

Восьмилетняя Лаура пропала в августе 1999 года. Все усилия по поиску девочки оказались тщетными – она исчезла без следа. Нашли ее только через четырнадцать лет. Все эти годы она провела в контейнере на задворках частного дома, в ошейнике, на цепи... По обвинению в этом и ряде других похищений и убийств арестован Карло Мария Балестри – профессор местного университета, заслуженный, всеми уважаемый ученый-антрополог. Сын профессора Лука в поисках ответов на сводящие его с ума вопросы пытается установить контакт с Лаурой...

ISBN 978-5-00-131502-5

© Наспини С., 2019

© Издательство «Синдбад», 2019

Содержание

Палочник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Саша Наспини

Кислород

© 2019 by Edizioni E/O

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2023

* * *

Ребенок никогда не бывает точь-в-точь как отец. Ребенок – это шаг вперед.

Даниэле Боккарди

- Шериф Стюард, это Джон...
- Слушаю тебя, Джон.
- Мы приехали по вызову в начальную школу Вэлли.
- Опять неприличные надписи?
- Нет. Если верить тому, что говорят учителя и директор, похоже, один из мальчиков пропал...
- Пропал?
- Во время перемены. Когда начался следующий урок, его место за партой осталось пустым.
- Ммм...
- Шериф?
- Да. Это я размышляю. Пошлю Торстена и Макклейна, пускай займутся поисками. Если ребенок вышел за ограду, он не мог уйти далеко. Родителей известили?
- Джордж только что попросил директора позвонить им.
- Хорошо. Думаю, он дома.
- Мы пока осматриваем территорию школы.
- Наверняка это просто шалость.
- Не знаю. По-моему, Джордж обеспокоен.
- Ммм...
- Шериф?
- Я предупрежу Крису. А вы продолжайте поиски. Я скоро приеду.

Палочник

За ним пришли в восемь вечера.

Мы слегка поцапались из-за соседа сверху: тот в очередной раз явился жаловаться на громкую музыку. И сейчас мы ужинали молча, а по телевизору, включенному на полную громкость, передавали новости. Это был наш обычный поединок: кто первым не выдержит и заговорит с другим. Побеждал всегда я. Мой отец был неприспособлен к такого рода борьбе; в определенный момент он, чтобы выйти из положения, произносил какую-нибудь ерунду, словно продолжая прерванный разговор: «...Не забыть бы забрать фонарик с веранды». Сказав нечто в этом роде, он смотрел на меня взглядом побитой собаки. В тех редких случаях, когда противостояние затягивалось, он под каким-нибудь предлогом стучался и в своем старом халате заходил ко мне в комнату. Он просто не мог лечь в постель, не пожелав мне спокойной ночи.

Мы сидели, уткнувшись каждый в свою тарелку. Я заметил, что он поглядывает на меня исподлобья. В какой-то момент он произнес самую что ни на есть банальную фразу: «Передай мне, пожалуйста, соль».

И тут в дверь позвонили.

Я пошел открывать. На этот раз соседу не поздоровится, подумал я и распахнул дверь, готовый к перепалке. Передо мной стоял человек со стрижкой, как у чиновника, и в кожаной куртке. За его спиной я увидел несколько человек в форме. И в самом деле, он сказал: «Полиция». Затем показал мне какую-то бумагу и попросил дать ему пройти.

– Чего-чего? – спросил я и едва не расхохотался ему в лицо.

Остальные тоже вошли, оттеснив меня с дороги. Я оказался почти прижатым к стене. Они мгновенно рассыпались по всем комнатам. Даже достали пистолеты.

Мой отец исчез. Только что ел яичницу с луком, а секундой позже его уже не было. Вместо него были люди в форме, которые открывали ящики, переворачивали матрасы, вынимали из рам картины и семейные фотографии.

Это было 6 октября 2013 года. Как вскоре стало известно, профессору Карло Марии Балестри было предъявлено обвинение в похищении человека, причинении тяжких увечий, убийстве и сокрытии трупа. Мне было двадцать семь лет, ему – пятьдесят девять. Я остался один на свете.

Когда я был маленьким, я мечтал стать летчиком. Отец, возвращаясь домой после лекций, часто приносил мне коробки с деталями авиамоделей. И сегодня самые удачные из этих моделей стоят на стеллажах в моей комнате. Тут есть, например, «Корсар F4U-7», биплан «Роланд», военно-транспортный «Габриэль». И даже «Конкорд». Но самый классный – триплан Красного Барона. Мы занимались этим по вечерам. Вынимали кусочки пластика из картонных гнезд. У отца горели глаза, когда он смотрел, как я, забыв обо всем на свете, возился с этими крошечными, длиной в несколько миллиметров, детальками. У нас были кисточки в волос толщиной, которыми можно было проникнуть куда угодно. И всевозможные скрепки, щеточки, баночки с клеем и с красками, напильники, растворители... Он обожал вникать во все мелочи. Но сам ничего не делал, только смотрел. В свете настольной лампы его глаза, сиявшие ледяной голубизной, словно метеоры, неотрывно следили за моими неловкими, суетливыми движениями: он хотел увидеть результат. Склейка была сплошным мучением, в какой-то момент руки переставали слушаться. Я закрыл кабину пилота, и мне оставалось только прикрепить отделку. «Ах, как жаль», – спокойно произнес он: кусок фюзеляжа отвалился, потому что я приклеил его не под тем углом.

Он держал маленьких девочек в контейнере.

Летом мы снимали дом на мысу Сант-Андреа. Две недели пляжа и вечерних прогулок. Как только мы приезжали, мама, облегченно вздохнув, распахивала балконную дверь и полчаса

сидела на балконе с сигаретой, глядя на линию горизонта. Внизу волны разбивались о скалы, напоминавшие лунный пейзаж.

Приятно был снова увидеться с друзьями, которых я там завел. Вначале всегда возникало чувство неловкости, как если бы нам надо было знакомиться заново. Особенно это чувствовалось при встрече с Анджелой. Каждый раз я замечал в ней какие-то перемены по сравнению с прошлым годом, но в августе 98-го изменилось все: фигура, манеры, взгляд. Нам было по двенадцать лет, и у нас вдруг появились занятия, вызывавшие беспокойство. После обеда, оставив родителей под зонтом на пляже, я убежал по узкой улочке, куда редко сворачивали туристы. Мой лучший друг Марко превратился в моего соперника. Если раньше, еще год назад, мы с ним отлично играли, то теперь он начал меня задиравать и не упускал случая заявить, что его тошнит от придурков, которые в августе приезжают с континента на машинах, набитых всяким барахлом, даже туалетную бумагу привозят с собой, и все, чем они способны осчастливить их земной рай, это переполненные помойки. В тот вечер, когда я получил первый в жизни поцелуй, кто-то сломал мой велосипед.

Пока я прыгал в воду с самой высокой скалы, чтобы произвести впечатление на свою летнюю любовь, другая девочка сидела в темноте, внутри контейнера. В жаркую погоду там, наверно, было как в печке. Цепь на шее. Кровать, привинченная к полу. Вонючие ведра. По-видимому, мой отец заранее подготовил все необходимое, чтобы устроить ее там на время летних каникул; очевидно, заключил пари с самим собой, что сумеет решить эту задачу. Заключение Аманды длилось с марта 93 года, когда она исчезла. Ей тогда было шесть лет, как и мне. В 2013 году у нас при обыске нашли прядь ее волос, заложенную между страницами книги.

Мы с Анджелой переписывались. В сентябре она аккуратно писала раз в неделю, но в последующие месяцы письма приходили все реже и реже, а в июне и июле не приходило ни одного. После августа все начиналось снова.

Мы рассказывали друг другу всякую детскую чепуху; иногда на последней странице мелькал кокетливый намек, что нас с ней связывает нечто большее, чем дружба. Случалось, прочитав ее письмо, я без зазрения совести переписывал его на свой лад. Правда, опустив в ящик, иногда все же испытывал сожаление.

В феврале 99-го тон моих писем изменился. Теперь в них шла речь уже не о проделках нашей компании и не о придирках учителей. Интересы тринадцатилетнего мальчишки остались в прошлом. Их вытеснила новая проблема: болезнь мамы. Дома мне все виделось в другом свете.

Я рассказывал об этом только Анджеле. Она отвечала письмами на нескольких страницах, исписанных мелким почерком: я цеплялся за них, как за соломинку. Больше всего мне нравилось то, что в них не было попыток подбодрить меня. И раньше я просил ее ничего не говорить родителям: нам не нужны были их звонки, а еще я не хотел, чтобы ее отец и мать отравляли наше с ней общение. Нас было только двое, как раньше. Но теперь я шел по жизни, а в боку у меня торчала стрела. Было нестерпимо больно. Я рассказывал ей о курсах лечения, о приступах и консультациях специалистов: один час такого визита стоил как месячный заработок моего отца. Анджела в своих письмах вообще не затрагивала эту тему. В них говорилось о певцах, о фильмах, от которых она была в бешеном восторге, о книгах и комиксах, которые я обязательно должен прочесть: они изменили ее жизнь. Иногда она вкладывала в конверт фотографию – свой портрет или какой-нибудь пейзаж с приветственной надписью на обороте.

Я в точности выполнял ее указания. Покупал диски и книги толщиной в триста страниц, главным образом о драконах. Один ходил в кино. Или становился перед окном, откуда открывался вид на весь залив. В ясные вечера с моего седьмого этажа казалось, что до Эльбы рукой подать, а Корсика выглядела ее тенью. Анджела находилась на противоположной, невидимой стороне острова. И все же я видел ее, запертую на этом клочке земли, словно томящуюся в башне принцессу, которую надо спасти. Возможно, как раз в эту минуту она пишет мне письмо.

Из родительской спальни слышались приступы кашля, от которых дрожали стены. И тогда я брал ручку и тоже писал ей.

Однажды в апреле меня разбудили среди ночи. «Ну что же, я готов», – подумал я, хотя совсем не был готов. Это была мама (тогда она еще ходила); она сказала, что вызвала отца скорую помощь.

Отца положили в больницу. У него оказался перитонит, от которого мог бы сдохнуть слон. Непонятно было, откуда он взялся: никаких предвестников не отмечалось, к тому же мой отец придерживался очень строгой диеты – все ел без соли, супы, жиденькие бульоны, белое мясо, которое иногда, в порядке исключения, приправлял капелькой оливкового масла. С вином он был очень осторожен, в основном использовал его в кулинарии. Единственным излишеством, от которого он не мог отказаться, было сладкое: раз в месяц он покупал трубочки с кремом у кондитера-сицилийца на улице Ла-Мармара. Откусив кусочек, он всегда произносил: «Весь прошлый месяц я не жил, а выживал».

Поначалу мы думали, что его быстро вылечат, но не тут-то было. У него оказался атипичный случай, и во время операции он на два дня впал в кому. После реанимации его держали в больнице еще десять дней, чтобы обследовать и дать восстановиться. Я был рядом с мамой, у которой тогда уже начались проблемы со здоровьем. Она вдруг осознала, что я могу остаться один на свете, и эта перспектива ее ужаснула. Если бы это случилось тогда, было бы лучше для всех. Мама без конца разговаривала по телефону в комнате для курения, держа в руке записную книжку мужа. Из-за того, что он слег, у целых курсов сбилось расписание занятий, лекции были под угрозой срыва, один симпозиум пришлось даже отложить, что нарушило рабочий график десятка участников. Я смотрел, как женщина, от которой остались кожа да кости, вдохновенно переписывает график профессора Балестри: казалось, эта миссия заряжает ее энергией, действуя, как лекарство.

Но еще важнее было другое: я впервые осознал силу и цельность характера моего отца. Это проявлялось во всем, чем ему приходилось заниматься: в организации лечения жены и оплате гигантских счетов, в работе в университете, в написании и сдаче научных статей. Он не отступал ни на шаг. И теперь, когда он был выбит из колеи, последствия ощущались очень сильно. Именно тогда в моем представлении он стал превращаться в героя. Не потому, что был видным ученым-антропологом, а из-за мудрости, которая помогала ему противостоять судьбе. Он сосредотачивал усилия на одной цели и действовал с точностью лазера, не растрачивая попусту энергию. Он умел управлять своими эмоциями. Мои сверстники считали, что быть сыном ученого – это скучно и не престижно: гораздо лучше иметь отца, который запросто может переделать карбюратор и глушитель у скутера, чтобы он разогнался до ста километров в час. А мой отец знал, как развивались народы и племена. Он брал в руки какую-нибудь безделушку – и рассказывал историю ее создателя. Ему было достаточно формы бокала. Фасада дворца. Я смотрел, как он лежит на больничной койке, невозмутимый и безупречно любезный с врачами и медсестрами. Ему хотелось всегда выглядеть достойно. Не знаю, что он обнаружил в своем железном ящике-тюрьме, вернувшись после непредвиденной отлучки.

* * *

Когда гроб опустили в могилу, какая-то часть меня самого устремилась туда вслед за мамой. Словно чья-то рука сжала мне внутренности. Ноги подкосились, и я вдруг обнаружил, что сижу на гравии, которым были посыпаны дорожки кладбища. Но я не плакал. Противно было, что все глазют на меня, возникало ощущение, будто я голый, причем разделся специально, им напоказ. Я убежал, не дожидаясь окончания церемонии. Отец, попросившись с немногочисленной родней и самыми близкими друзьями, нашел меня в машине: я сидел с включенной музыкой.

Началась другая жизнь. Теперь по утрам меня будила румынка Сумира, которая нанялась к нам в постоянные помощницы по хозяйству. Она всегда была веселая, все время пела. Вначале она вызвала у меня мгновенную неприязнь: смерть моей матери помогла ей в решении собственных проблем. Но потом я свыкся с ее присутствием и стал ей доверять. Когда Сумира не распевала песенки, больше похожие на кудахтанье, она говорила о своем сыне, от одного имени которого у меня болели уши. Василе. Василе все делал лучше всех, от прыжков в высоту до игры на фортепиано. В итоге мне стало смешно, что меня постоянно сравнивают с этим парнем. «Василе ростом два метра», – говорила Сумира. Или: «Василе первый в классе по *хеографии*». И еще: «Девчонки рвут на себе волосы, когда Василе идет по улице». Она приносила это с нежностью.

Теперь у нас дома пахло по-другому. От блюд восточноевропейской кухни шел такой забористый аромат, что горло перехватывало еще в лифте. В основе рецепта всегда был кусок какого-нибудь животного, который полагалось вываривать на медленном огне. «Кухня бедняков», – говорил мой отец с энтузиазмом человека, готового променять обед на путешествие в глубины истории. Рис и вареную картошку она подавала на одной тарелке. Если моих сверстников закармливали спагетти, то меня пичкали мамалыгой и чорбой. Запах въедался в стены. Зайти утром на кухню, чтобы выпить кофе с молоком, было проблемой: там все еще пахло вчерашним варевом. «Василе кушает пастрами, чтобы быстро бегать!»

Я рассказывал Анджеле о нашей ненормальной помощнице по хозяйству. Ее это забавляло, и вскоре тема Сумиры стала у нас излюбленной. Я рассказывал, что румынка любит выпить, и мы с Анджелой умирали от смеха, когда я описывал, как она порой напивается до бесчувствия, и нам с отцом приходится вдвоем тащить ее в комнату для гостей, а она при этом пускает газы. А еще Сумира храпела. «Может, постучаться к ней?» – говорил папа, озабоченно почесывая в затылке: нам казалось, что потолок вот-вот обрушится. На следующее утро она была свежа, как цветок. Когда мы приходили на кухню, она весело напевала над поджаренными ломтиками хлеба и при своих внушительных габаритах порхала, словно стрекоза. «Как вам спалось?»

А потом она влюбилась в Корради, нашего соседа по площадке. Это был шуплый человек без больших запросов, который всю жизнь прожил именно так – без больших запросов, и каждый мог прочесть это у него на лице. Давно овдовевший, Корради отличался необычайной кротостью и обходительностью; его единственной страстью были пластинки на 78 оборотов, которых он собрал огромную коллекцию. После первых утренних теленовостей, когда я, заткнув ноздри ватой, выпивал по-быстрому свою чашку кофе с молоком, сосед ставил один из хитов квартета «Цитра», и музыка не умолкала до полудня. Я рассказывал Анджеле, как эти двое, великанша и бухгалтер-пенсионер, подстраивали «случайные» встречи на лестничной площадке и обменивались приветствиями. Это было мило. Иногда они осторожно, со старомодной церемонностью, подтрунивали друг над другом. В письмах я пытался объяснить ей одну вещь, но у меня не получалось: иногда в таких мелочах, как «добрый день» и «добрый вечер», для человека заключается вся жизнь. Я писал это, а потом зачеркивал написанное.

После смерти мамы поездки на Сант-Андреа прекратились: продолжать снимать этот дом было бы слишком тяжело по многим причинам. И мы стали проводить каникулы в городе. Мой отец в своем обычном костюме весь день сидел на балконе, устроившись в пляжном кресле. Но книги были у него под рукой, рядом с лимонадом, который Сумира готовила целыми кувшинами, в том числе для себя, поскольку не выносила жары. Период с мая по сентябрь был для нее адом, она только и делала, что чем-нибудь обмахивалась. И старалась не вылезать на солнце, избегая его, словно оскорбление. Или даже встречу с дьяволом.

Однажды я попросил у отца разрешения съездить на Эльбу одному. Я уже считал себя взрослым, и мне хотелось доказать себе, что я способен на это: в одиночку прокатиться на поезде до Пьомбино, а потом еще час – на пароме. От Портоферрайо до Сант-Андреа можно

было добраться на автобусе. (Но отец не знал о моей мечте: приехать неожиданно и устроить Анджеле сюрприз.)

«Об этом и речи быть не может». Первая попытка закончилась неудачей. Любой парень встал бы на дыбы, но со мной все было иначе: после смерти мамы отец сильно изменился. Он прямо-таки трясся надо мной; за короткое время у него развились всевозможные страхи. Возможно, он чувствовал себя обязанным заботиться обо мне за двоих, опасался, что моя жизнь зависла над бездной, которая рано или поздно меня затянет. Но на практике все это выжалось в чрезмерной опеке, против чего я в глубине души не возражал. Я был главным в его жизни, он стремился показать это каждым словом, каждым поступком. Из нашей команды выбыл один, но очень важный участник. Мы получили одинаковую рану, от которой каждый страдал по-своему, но в равной мере мучительно; в этой общей боли мы черпали нашу силу.

Но мы были слишком разными. Нам не следовало допускать эту ошибку – замыкаться в своем узком мирке, где чувство невосполнимой потери принуждает к тесной, почти патологической сплоченности, к единению на грани безумия. Лучше бы мы просто молчали. И заново учились жить в окружающем мире, хотя азы этой науки были безжалостны. В итоге я дал ему это понять самым простым способом. Возможно, мой отъезд и ему принес бы пользу. Контролировать каждый шаг человека не значит его любить. Кроме того, я же собирался не на другой конец галактики.

Он взял на себя все: изучение расписания, покупку билетов, запасные варианты на случай, если поезд опоздает и я не успею на пересадку. И однажды вечером, сидя за столом на кухне, он изложил мне свой план путешествия. Сумира, напевая, мыла посуду. В какой-то момент она обернулась и сказала: «Василе все дни недели ездит за много километров: Крайова – Бухарест». Отец взглянул на нее с досадой: «Пожалуйста, не мешай нам. Мы говорим о важном».

Если бы я его послушал, у меня набралось бы багажа как для научной экспедиции. Но я поддался его уговорам только отчасти, в рамках разумного; когда речь зашла о походной фляге, я был тверд, как камень. Денег, которые он мне дал, наверно, хватило бы на авиабилет до Нью-Йорка и обратно. «А вдруг будет шторм? – спросил он с тревогой. – Ты застрянешь на острове, и тебе придется снимать комнату...» Если мне что-то понадобится, я должен сообщить ему, ведь у него на Эльбе уйма друзей, один звонок – и меня пригласят к кому-нибудь на виллу, где я буду в полной безопасности. Затем он пошел узнавать прогноз погоды.

Путешествие было приятным, особенно на пароме. Я почти все время проводил на палубе, любовался очертаниями острова. Попасть сюда значило для меня многое: я жил, несмотря на боль утраты. Мамы больше не было, но я, как и раньше, приближался к знакомым берегам. Иногда я чувствовал внезапный прилив тепла, похожий на счастье. Я гордился собой, потому что не остался загорать на балконе. Пусть всего на один день, но я позволил жизни двигаться дальше по уже проложенной колее.

Я пребывал в этой эйфории, пока ехал в автобусе, который высадил меня недалеко от нашей тайной улочки. Меня радовала даже необходимость шагать по обочине, словно бродяга с рюкзаком за спиной, затерянный в огромном мире. Затем я начал спуск к морю.

Наше детское убежище не изменилось. Я почувствовал, как во мне закипает кровь. Сколько раз я представлял себе внезапное появление перед Анджелой, перебирал разные варианты. Самым любимым был такой: Анджеला после купания дремлет, растянувшись на полотенце, в какой-то момент открывает глаза – а я лежу рядом! В последних письмах она без конца жаловалась, что без меня август потеряет для нее всякий смысл.

Но смысл у августа все же был: блондин, который вместе с ней вылез из воды. Никогда не видел этого типа, может, какой-то иностранный турист. Я был недалеко от них, на выступе, венчавшем гряду скал, которая скрывала этот уголок острова от тупиц-курортников. Мне хватило одного взгляда на эту парочку, чтобы понять: мое появление не приведет ни к чему, кроме

неловкой ситуации. Я почувствовал, что у меня подгибаются колени, как тогда, во время похорон мамы. Но если бы я хлопнулся здесь и привлек к себе внимание, то умер бы со стыда. Эта мысль пришла как нельзя кстати: выброс адреналина помог мне удержаться на ногах. А довершила дело злость.

Понурился, я вернулся на дорогу. Расписание, которое так заботливо составил для меня отец, теперь было ни к чему. Я остановился у обочины и сделал то, что собирался сделать в конце дня: поднял руку, чтобы прокатиться автостопом.

Я был чистенький и ухоженный, ничто во мне не вызывало подозрений. И правда, передо мной тут же остановилась машина. В ней сидели жених и невеста, лет под тридцать, полные жизни: при виде таких людей тебя охватывает желание сию же минуту броситься в пропасть. Когда я распахнул дверцу, сзади раздалось: «Эй!» Я обернулся и увидел Марко, который ехал мимо на велосипеде. Но я даже не махнул рукой в ответ. Нагнул голову и полез в машину.

Вот к чему свелся побег, о котором я так долго мечтал. Я стоял у киоска на морском вокзале с банкой лимонада. Паромы прибывали и отчаливали один за другим. Подумав, я решил поменять билет, чтобы побыстрее убраться с острова. Обнаружив, что я вернулся раньше времени, отец начнет приставать с расспросами. А я отвечу коротко, банально и грубо, в обычной для подростка манере: меня тошнит от жизни. Потом закроюсь у себя в комнате и буду перечитывать последние письма Анджелы. Всю кипу. Море слов. После нежностей прошлого лета ее влюбленность не продлилась и минуты. Просто она считала себя обязанной писать мне из-за того, что между нами случилось. От этого поразительного открытия у меня моментами кружилась голова.

Весь обратный путь на пароме я просидел в закрытом салоне, забившись в кресло и включив плеер на полную громкость. Вот что бывает, когда хочешь ступить в одну реку дважды: еще не было двенадцати, а я, поджав хвост, тащился обратно.

Но в порту мне невероятно повезло. Я успел в последнюю минуту вскочить в уходящий поезд, двери которого уже закрывались. Контролер отчитал меня за то, что я не прокомпостировал билет. Сорок минут спустя я вернулся в отправную точку. Казалось, каждая физиономия на перроне говорила мне: «Ну что, повидал мир?»

В лифте я несколько раз глубоко вздохнул: сейчас на меня обрушится лавина вопросов, надо подготовиться. Открыв дверь и увидев на пороге меня, Сумира вытаращила глаза: «Уже обратно?» Я опустил голову и прошел мимо нее. Пробежал по коридору в гостиную. Широкие окна были открыты для проветривания. На балконе никого не было. «Тата нет дома», – услышал я позади. Я никак не мог привыкнуть к тому, что она называет моего отца «Тата». «А где он?» В ответ она театральным жестом развела руками.

Мне это было на руку. Я зашел к себе в комнату и бросил рюкзак на пол. Снял туфли и включил стерео систему. Мне хотелось заслониться от внешнего мира звуками, словно щитом. Но в соседней квартире Корради наслаждался своим винилом, и было бы невежливо создавать ему помехи. И под журчание музыки минувшей эпохи я бросился в постель. Ранний подъем и горечь, накопившая за день на душе, сделали свое дело: я заснул как убитый.

Проснулся я только к вечеру. В первое мгновение я убедил себя, что мне приснился дурной сон, а сейчас пора вставать и ехать, но затем сообразил, что все это было на самом деле. Взглянул на часы: я проспал больше пяти часов. Отец не стал меня будить. Конечно, он здесь и места себе не находит, пытаюсь угадать, почему я вернулся так скоро. Единственный способ быстро решить эту проблему – не теряя ни минуты, встретиться с ним лицом к лицу. Но когда я вошел в гостиную, там была только Сумира. Она разлеглась на диване, задрала юбку до трусов. «Отец еще не вернулся?» Она вскочила на ноги, одернула юбку. «А что, есть беспокойство?» Как мне показалось, вопрос был с подтекстом. Я понял его примерно так: «Он умер? Я могу потерять работу?» И ответил вопросом: «Он звонил?» Она покачала головой. Я снова взглянул на часы. И тут меня осенило.

Я побежал к себе в комнату, влез в туфли, подхватил рюкзак, который так и валялся на полу. Бегом вернулся в гостиную. Сумира не двинулась с места. «Ты меня не видела», – сказал я. Она уставилась на меня своими коровьими глазами. «Поняла? Меня здесь не было». Она кивнула, хотя, похоже, не совсем поняла, в чем дело. «До скорого», – сказал я и бросился к выходу.

Если бы мой план удался, это избавило бы меня от кучи неприятностей. Только бы не встретить сейчас отца. От нашего дома до вокзала было двадцать минут ходьбы. Мне предстояло побить мировой рекорд. Я нырнул в подземный переход, не сбавляя скорости, хотя в этот промежуток времени не отправлялся и не прибывал ни один поезд. На другой стороне путей я спрятался за колонной на платформе номер 2, чтобы перевести дух. Поезд прибыл через полчаса, точно по расписанию. Двери открылись, пассажиры направились к лестницам. Я смешался с толпой.

Отец ждал меня у самого выхода, стоя рядом с машиной. Как только он увидел меня, сразу поднял руку.

Я напел, что провел чудесный день в компании старых друзей, что время пролетело незаметно и я едва не опоздал на автобус в порт. Он внимательно слушал меня, ловя каждое слово. «А ты совсем не загорел», – удивился он, и я понял, что моя версия трещит по швам. Надо было как-то выкручиваться. Я намекнул, что большую часть дня все же провел под крышей... И заставил себя улыбнуться. Пускай отец думает, что я одержал победу над девчонкой, которая писала мне каждую неделю: при этой мысли у меня внутри все забурлило от сдерживаемого смеха.

За ужином Сумира все время глазела на меня и подмигивала, когда отец смотрел в другую сторону. Я делал вид, будто ем с большим аппетитом, а он отпускал шуточки типа: «Надо подкрепиться, ты потратил много сил!» Он прямо раздувался от гордости: еще бы, его сын пользуется успехом. Потом я стал зевать и сказал, что у меня глаза слипаются. Сумира как-то напряглась. Я это почувствовал и обернулся к ней. «Как возможно?» – спросила она. Я метнул в нее угрожающий взгляд. Но отец сидел какой-то рассеянный, скорее всего, он даже не слышал ее вопроса. Я сказал «спокойной ночи» и ушел из кухни, моля бога, чтобы наша говорливая прислуга не ляпнула чего-нибудь еще.

Это было 12 августа 1999 года. В этот день пропала восьмилетняя девочка по имени Лаура. Когда ее освободили, ей было двадцать два.

Клочок земли в пятидесяти километрах от дома, почти за чертой города. На опушке буквой рожи, вдали от возделанных полей. Крепкий забор, ухоженная лужайка. В центре участка – маленький каменный домик, внутри – комната, кухня и подсобные помещения. Справа от дома на платформе автоприцепа стояла даже маленькая моторка с каютой. Ближайшее жилье – в десяти минутах езды через пустыри. Позади домика – контейнер, полускрытый ветвями старой ивы. На первый взгляд – сарай для инструментов или что-то в этом роде.

Анджела еще несколько недель продолжала писать мне письма. Я складывал их в стопку, не распечатывая. Потом перестала. Но на Рождество от нее вдруг пришло письмо, обклеенное звездочками. Я положил его к остальным.

Все помнят, как встретили Новый 2000-й год. Мы с отцом на несколько дней уехали в горы. Чтобы побыть вдвоем, вдали от праздничной суеты. В этом мы были единодушны: терпеть не могли шума и гвалта. Мне было тринадцать с небольшим, но я уже замечал в своем характере черты, напоминавшие отцовские; он смотрел на мир взглядом, в котором будто навечно застыло задумчивое созерцание. У нас была почти одинаковая шаркающая походка, нередко мы спотыкались на ровном месте. «Яблоко от яблони...» – улыбался он. Но прогулки нам нравились. Да и холод тоже. Когда мы были вдвоем, он превращался в отца, с него слетало величие профессора, почитаемого в академических кругах. Больше всего нас сближало общее увлечение прошлым. В то время я еще смутно ощущал в себе эту зарождающуюся склонность,

даже не умея дать ей название. Меня завораживал портал дома, построенного столетия назад; я пытался представить себе людей, которые переступали этот порог: кто они были, как складывались их жизни, как они чистили зубы. Я мог долго, до получаса, просидеть на скамье в какой-нибудь старой церкви. Эта тишина. И запах. Ступни святых, блестящие, как золото, от прикосновений бесчисленных рук. Я тоже трогал эти статуи, и мне казалось, что я чувствую прикосновения всех ладоней, трогавших их до меня. В этой игре я касался руки прачки, жившей триста лет назад, руки солдата, отправлявшегося на войну, и руки девушки, приходившей сюда в прошлую среду, чтобы покаяться в измене парню, недавно ставшему ее мужем... Как и все они, я появился на свет благодаря пересечению множества дорог, бесчисленным совпадениям, в результате которых мир двигался в этом, а не в каком-то другом направлении. Эта очевидная истина проявлялась во всем: в фасоне куртки, которую я носил, в моей манере выстраивать мысли...

Отец называл это явление странствующим ветром. Как он утверждал, уловить его способны немногие, я – счастливчик. Я готов был поверить в это. Потому что отец никогда не лез в мою жизнь: если бы я вбил себе в голову, что должен стать футболистом, как мои надоедливые друзья, он бы и слова не сказал. А вот я ему докучал. Выбирал какой-нибудь предмет и просил рассказать его историю. Это было потрясающе – какие-нибудь лопасти вентилятора низвергали тебя в водоворот времени. Отец прочерчивал замысловатую линию, которая восходила к изобретению карандаша, параболической кривой и григорианского календаря. Невообразимый бросок через столетия, мимо войн и технических революций. Уносимый ветром перемен, я не выпускал из рук невидимую нить, которая связывает всё. Он говорил, и я чувствовал, что у меня внутри что-то происходит. Я словно видел историю человечества в ускоренном просмотре, десятилетие в секунду. Под конец он обычно произносил одну и ту же фразу: «Вот так оно и было». Ощущение было такое, будто я только что прилетел из глубин космоса и снова сижу дома в тапочках. Все казалось важным, даже трещина на фасаде бара.

Другой темой были наши предки, которых мне не довелось узнать. Отец очень любил рассказывать о них. И все же мне чудилось, что, произнося их имена, он чувствует какое-то покалывание в горле. Говоря о них, он говорил о себе. Говоря о них, говорил обо мне.

У нас с ним было нечто вроде фирменного знака, делавшего нас уникальными и легко узнаваемыми: форма мизинцев. Крайняя фаланга мизинцев на обеих кистях немного загибается внутрь. «Хочешь доказать, что ты – Балестри, покажи *это*», – говорил он, гордо демонстрируя мизинец. Я показывал свой, точно такой же. Определенный ген с незапамятных времен, назло всем войнам и эпидемиям, воспроизводился из поколения в поколение. Возможно, за минувшие века среди обладателей таких мизинцев попадались корсары, золотоискатели, древнеримские повара, головорезы, а последним в этой связке был я. Глядя в лицо будущему, я нес в себе тайны множества жизней, от самых бурных до попусту растроченных. Манера чихать, привычные жесты. Кто знает, у кого я их позаимствовал? Внутри меня двигался поезд из глубины веков, с моим отцом впереди, и приятно было слышать, как этот состав, грохоча, несется по рельсам. Я унаследовал жест, отшлифованный столетиями, неторопливый и размеренный, как свидетельство о прошлом. Изображение в зеркале, которое постепенно расплывается, чтобы уступить место следующему. Наш мизинец был как лезвие, пронзавшее время, и теперь очередь дошла до меня. И еще эти слова о нашей уникальности – простой и эффективный, как в комиксе, способ самоутверждения, – я слышал их далекое эхо. Странствующий ветер ерошил мне волосы.

По материалам следствия, эпизодов похищения, вменяемых в вину моему отцу, было три. Но подозревают, что их было как минимум вдвое больше. Однако ни одно тело, не считая Лауры, так и не было найдено.

С виду она ничем не отличается от других девушек. Лаура контактирует с миром. У нее свой круг друзей, она учится. У нее даже есть жених.

И все же порой я улавливаю ее отражение в витрине, в зеркале над умывальником в туалете паба: она ускользает. Бывают мгновения, когда зрение бессильно: зрачки расширяются, наползает мрак, ведомый ей одной. Это затмение может длиться несколько минут. Вокруг царит шумное веселье, клиенты накачиваются пивом, в них бушует пламя молодости. Они закуривают с таким высокомерным видом, что возникает желание, чтобы они вымерли все поголовно. Они не видят никого, кроме себя, не замечают девушку, которая вдруг отворачивается от них и возвращается в темницу в железном ящике. В том ящике, внутри которого я с октября 2013 года, в свою очередь, пытаюсь уловить хотя бы лучик света. Я мог бы погасить окурок о тыльную сторону ее руки, и она даже не вздрогнула бы. Ее лицо не исказила бы гримаса ужаса – она просто внезапно исчезла бы. Лаура гаснет, перестает существовать. Ее сотрясает дрожь – и она оказывается за гранью реальности. Я единственный, кто ее узнаёт, кто ее понимает. В день, когда ее освободили, я стал узником. Все пять лет, прошедшие с тех пор, я подглядываю за Лаурой, и это единственный отдых, который я себе позволяю, несмотря на долгие часы за рулем и ощутимые расходы. Эти мгновения – глотки кислорода, которые помогают понять, что мне нужно: благодаря им я не чувствую себя одиноким.

* * *

Я познакомился с ней задолго до того, как ее нашли: он звал ее во сне. Глубокой ночью мы с Сумирой прибежали в спальню к отцу, разбуженные криками, которые прорывались сквозь ее могучий храп. После смерти мамы ему начали сниться кошмары. Иногда мы, войдя в спальню, заставляли его сидящим на кровати и в полусне молотящим кулаками по воздуху. Но чаще всего он разговаривал, словно объясняясь с кем-то: «Тебе холодно?» Порой он обливался слезами: «Прости, ну пожалуйста, прости меня...» У меня сердце разрывалось видеть его в таком состоянии; я понимал, каких сил ему стоило сохранять выдержку в течение дня. Кроме того, он становился голосом моего горя, которое я еще не избыл до конца. Иногда я утром открывал глаза и в первое мгновение ничего не помнил. А потом – как обухом по голове: «Мамы больше нет». Или осознание случившегося застигало меня врасплох, когда я был поглощен каким-то делом, и эта встряска надолго выводила меня из равновесия.

Сумира была добра ко мне. «Ты иди спать, – говорила она. – Я позабочусь». И я послушно шел спать, еще и потому, что, когда я видел отца таким, на меня нападал столбняк, я застывал на пороге и не мог двинуться с места. «Я здесь! – кричал он. – Я сейчас!» И дрыгал ногами под одеялом, словно действительно бежал. А на следующее утро приходил на кухню бодрый и энергичный, как ни в чем не бывало.

Воссоздать целую жизнь по тайному следу, оставленному больным отцом, – дело нелегкое. Вначале я выискивал необъяснимые пробелы в его распорядке дня: это было наваждение, которое я пытался, но не мог преодолеть. Я старался расшифровать каждое Рождество, каждую Пасху. День, когда он поддался моим бесконечным уговорам, и мы пошли выбирать скутер. Покупка «классика» и прощание с мечтой об «атлантике», которая в то время кружила мне голову. Я перебирал по крупичкам каждый день своей жизни, дождливый или солнечный, каждый скучный полдень. Далеко внизу, под нашими ногами, текла черная река. Одно утешение: мама этого не застала.

В своих кошмарных снах отец как будто искал ее, однажды ночью, среди обычного бреда, он вдруг произнес фразу, которая мне запомнилась: «Я должен тебя помыть». Пока он болел, мне не довелось услышать ничего особенного, тем более, что вместо меня рядом с ним часто находился кто-то другой. Видя мой испуг, Сумира, как обычно, предложила мне удалиться: «Тебе лучше не слышать». Как ни странно, уже после октября 2013 года, представив себе эту сцену со стороны, я взглянул на нее совершенно другими глазами: возможно, отца мучил нездешний недуг, один из тех, о которых рассказывают нам мертвецы. Ведь они где-то здесь,

эти сущности, немые, но с огромными глазами. Они видят все. Копаются в нашем сознании. И даже в наших снах.

Если бы в тот августовский день 99 года мне не пришла в голову идея сделать сюрприз знакомой девчонке, у Лауры все сложилось бы по-другому. Я твержу себе, что рано или поздно на ее месте оказалась бы какая-нибудь другая девочка. Однако... Фактически получалось, что это я ее выбрал, с моей жадной летнего поцелуя, желанием вновь после долгого траура почувствовать, что я жив. Психотерапия не помогает; проходят годы, а эта мысль все еще точит меня, как червь. Поэтому мне надо собрать самые нужные вещи и молча проделать обратный путь в четыреста километров. Мне надо убедиться, что со мной все в порядке, надо знать, что не я один ношу в себе грызущую мысль о контейнере.

Однажды Лаура даже заговорила со мной.

Я заметил ее и пошел следом, не приняв обычных мер предосторожности. Дело было ранним утром. Я шел в десяти шагах позади нее в городской сутолоке. Была середина зимы, с замерзшими лужами и холмиками грязного снега по обочинам дороги. Этим маршрутом мы с ней часто ходили вдвоем, хотя она об этом не догадывалась.

Обычно, оказавшись от нее слишком близко, я еще и сегодня отступаю к краю тротуара, как будто хочу поймать такси. Когда зажигается зеленый свет, иду дальше. Однако в тот день мне захотелось большего. Так иногда бывает. Чтобы обрести покой, я должен приблизиться к ее жизни. Порой я даже подбираю брошенные ею окурки. Если они падают не в грязь, я подбираю их и делаю две последние затяжки. Пока не загорится фильтр. Я смотрю, как она бросает в урну обертку от жевательной резинки (предпочитает белую жвачку «бруклин»), использованные билеты метро. Если повезет, извлекаю из урны билет в кино или на выставку. Для меня это хорошая новость. Доказательство, что Лаура взаимодействует с окружающим миром, что она живет. Если мне удастся услышать, как она подпевает во время концерта, это трогает меня чуть ли не до слез. Но заговаривать с ней нельзя. В таких случаях, как мой, запреты неумолимы; из-за того, что натворил отец, я, кажется, не имею права находиться с ней в одном городе, даже на его противоположном конце, не уведомив об этом компетентные органы.

Этим утром я жаждал новостей. Я шел за ней, отмечая каждое, даже едва уловимое движение. По-видимому, она куда-то опаздывала и была не в духе. Лихорадочно рылась в сумке, ища то ли сигареты (Лаура предпочитает синие «Кэмел»), то ли кошелек.

При этом она уронила связку ключей. В ту же секунду я оказался рядом с ней. Она остановилась и отступила на два шага. Мы с ней стояли лицом к лицу. Я подобрал ключи и протянул ей. «Спасибо», – сказала она и изобразила улыбку, явно думая о чем-то другом. У Лауры зеленые глаза. Она отвернулась и пошла дальше. А я остался один – неподвижная фигура, обтекаемая людским потоком.

Лаура прячется в туалетах баров и кафе. Особенно во второй половине дня, когда выходит в город одна. Она садится на метро на ближайшей станции, и поезд увозит ее далеко от дома. Иногда я теряю ее. Иногда успеваю вскочить в вагон, раздвигая уже закрывающиеся двери, встаю за чьей-нибудь спиной и поглядываю на нее, чтобы не упустить, особенно когда мы приближаемся к следующей станции. Вслед за ней поднимаюсь по лестницам, иду по тротуарам. В ясную погоду и под дождем. Пока она не зайдет в какое-нибудь первое попавшееся кафе. Первое время я в таких случаях ждал ее снаружи. Каждую минуту вспыхивала тревожная мысль: «Она меня заметила. И ускользнула через запасной выход». И я уже представлял себе, как за мной приезжает полицейский патруль... А потом начал сам заходить в кафе.

Лаура ищет себе клетку. Поиск начинается внезапно, это импульс, который она не в силах контролировать. Только что она спокойно шла своей дорогой, а через мгновение уже прячется в туалете какого-нибудь бара, закрывшись на два оборота. Я вхожу, присаживаюсь у стойки и заказываю выпивку. В некоторых случаях посетителей так мало, что в итоге остаемся только

мы с ней, не считая полусонного бармена и светящегося глаза телевизора, висящего в углу. И тут вырисовывается новый сценарий: я снаружи, она внутри. По-моему, она нуждается в этом.

Я тоже в этом нуждаюсь. Это пытка, в которой есть что-то заораживающее. С каждой минутой растет риск, что сейчас она выйдет и обнаружит меня. Она понятия не имеет, как выглядит сын маньяка, который годами держал ее в плену, возможно, даже не знает, что у него есть сын. Я не могу допустить, чтобы какая-то деталь моей внешности привлекла ее внимание, поэтому перед тем, как начать слежку, тщательно закутываюсь. Если в баре много посетителей, которые приходят и уходят, среди них легко затеряться. А когда там нет никого, кроме нее и меня, каждое перемещение стрелки на циферблате пронзает меня насквозь, словно огненная капля.

Четыре часа. Двадцать минут пятого... Обычно я сдаю первым: кладу на стойку деньги и бросаюсь к выходу, чтобы глотнуть воздуха. Я выбираю удобный наблюдательный пункт, откуда хорошо виден вход. Если Лаура покидает свое убежище гораздо позже обычного, то я успеваю превратиться в ледышку. И спрашиваю себя: «Кто за кем здесь следит? Кто кого держит взаперти?»

Бывает, что персонал заведения обращает внимание на то, что кто-то сидит в туалете уже больше часа; может, надо вызвать скорую помощь? При этих словах я тут же слезаю с табурета. А если еще начинается какая-то суета, даже не вынимаю кошелек.

Но на сеансах у психотерапевта я об этом рассказать не могу. Наима убеждена, что в последние годы добилась огромного успеха: любой другой на моем месте давно бы сломался. В лечении посттравматического синдрома ей нет равных. В моем случае ей необходимо решить несколько задач. Одна из первых – переформатировать основные постулаты моей жизни. Наима часто употребляет это словосочетание: когнитивная реструктуризация. В самом начале она постоянно просила меня представить себе арест моего отца как тяжелую автомобильную аварию, в которой мне посчастливилось выжить и в которой – это самое главное – я не виноват.

Другое важное обстоятельство, касающееся этой аварии: мой отец в ней не выжил. То, что в действительности он жив и гниет в тюрьме, не должно меня смущать: его больше нет. Человек, который породил меня и которого я знал всю жизнь, принадлежит прошлому. Мы должны очистить информацию, скапливающуюся в естественном процессе усвоения, от закрепившихся в памяти данных с целью достичь нужного результата через создание новых функциональных связей. Таково основное положение ДПДГ-терапии¹. Я говорю Наиме: «Во мне течет та же кровь». Она качает головой: «Это к делу не относится».

Иными словами, она просит меня разрушить мост, который начал строиться много столетий назад. У меня больше нет предшественника. Асфальт провалился; на дороге, соединяющей меня со всем, что есть в этом мире, образовалась огромная дыра, и она носит имя моего отца. Того, что воспитал меня, учил, защищал, поддерживал советами, вел за собой, одевал. Любил. Только вот мой отец – не рядовое явление. Мой мизинец красноречиво свидетельствует об этом.

На самом деле я не хочу в это верить. Я не делюсь своими сомнениями с Наимой, чтобы ее не отвлекать. Возможно, его кто-то заставил, и он был вынужден это сделать. Есть тайные общества, члены которых увлекаются жестокими древними ритуалами. Среди ученых иногда попадаются люди со странностями. Где-то на Востоке была одна фирма, руководители которой, влиятельные и очень богатые бизнесмены, похищали и убивали мальчиков – просто так, чтобы испытать это ощущение. А вдруг в деле была замешана мама? Мне приходила в голову и такая мысль. Может, до меня у них была дочь, о которой я не знал. Может, в раннем детстве с ней

¹ ДПДГ (десенсибилизация и переработка с помощью движений глаз) – метод психотерапии, разработанный для облегчения дистресса, связанного с травматическими воспоминаниями. – *Прим. ред.*

произошло несчастье и она погибла. И после этого моя мать заставляла мужа похищать других девочек и держать их в безопасном месте, точно кукол. После подобных мыслей я бегу в туалет и блюю в унитаз. Чтобы обелить одного из родителей, я поливаю грязью обоих.

Мой отец молчит. Он так и не признался. С самого ареста он вопреки очевидности утверждает, что невиновен. У него была прядь волос Аманды, заложенная в книгу. От предыдущей девочки остался молочный передний зуб: он хранил его в шкатулке для драгоценностей, которую привез из Тибета еще до моего рождения. Ту девочку звали Сара. В детстве я играл этим зубом. «Это твой, – говорил отец. – Представь себе, сколько времени прошло...» Он сумел обмануть даже маму: ее умиляло, что муж сохранил этот трофей. Иногда я шутки ради брал его двумя пальцами и прикладывал к коренному.

Улики, которые я ищу сейчас, совсем иного рода: это мерзость. Будь я посмелее, стал бы рыться в помойках, но риск слишком велик. Лаура любит рок-музыку. Ее любимые цвета – черный, фиолетовый, синий. Ей нравится писать. Во время поездок в метро она слушает музыку, вставив в уши миниатюрные наушники. Совсем как я, когда возвращался с Эльбы.

Бывают моменты, когда мне хочется сбросить маску. Подойти к ней и спросить: как это было? О чем он говорил с тобой? Был ли он, по крайней мере, ласковым?

Если бы из данных следствия, свидетельских показаний и собранных улик выяснилось, что он прикасался к ней, я бы, наверно, покончил с собой. Когда я говорю об этом Наиме, она хмурится: «Ты все еще чувствуешь себя виноватым». Но она не совсем права: я чувствую, что перестал существовать, как если бы источник, из которого я произошел, оказался иллюзией. Так или иначе, есть хотя бы одно смягчающее вину обстоятельство: Лаура не заявляла о каких-либо действиях сексуального характера со стороны похитителя. Это уже кое-что. Будем довольствоваться этим.

Сенсационная новость: Лаура категорически отказалась поделить свою историю в книге или в фильме, хотя ей предлагали за это кучу денег. Люди, для которых истории, рассказанные по телевизору, – хлеб насущный, несколько недель называли ее идиоткой: она провела в заключении четырнадцать лет, неужели ей за это не причитается приличная компенсация? Всем хотелось услышать ее имя, увидеть ее лицо. Некоторые сожалели, что она не участвует в вечерних ток-шоу: рейтинг взлетел бы до небес; кое-кто даже предлагал выдвинуть ее кандидатуру на предстоящих выборах. Люди порой способны на прямо-таки немыслимое nepотребство. Хотя не сыну маньяка это говорить.

Все, сказанное сыном маньяка, звучит странно, каждый его жест настораживает. Жители нашего городка подозревают, что во мне бродит тот же яд, что в моем отце, или, во всяком случае, что его влияние не могло не сказаться на моей личности. Я и сам так думаю. И мне нелегко выкинуть из головы эти мысли.

В мои тридцать два года у меня нет подружки. Немногочисленная родня испарилась, как и друзья, даже старые и близкие. Они по-своему старались сохранить нашу дружбу, цеплялись за нее когтями и зубами. Но не смогли. Ни один не выдержал. Ведь это было слишком. Быть постоянными свидетелями моих мучений – тяжелая работа: я не могу требовать этого от людей. Пригласить меня на рождественский ужин... Это требовало такого напряжения душевных сил, что портило праздник всем присутствующим. И проблема не в том, что мой отец – это мой отец. Проблема в том, что я – его сын.

Но я не планирую бегство, хотя Наима не исключает для меня подобный вариант: исчезнуть, возможно, даже сменить имя. Это был бы серьезный шаг, последствия которого со временем могли бы *затронуть мою когнитивную структуру*.

Иногда я рисую его себе в воображении. Беру, например, имя Пьеро Берти и спрашиваю себя: можно ли поверить, что у меня физиономия Пьеро Берти? Или, скажем, Саверио Марки? Иногда я придумываю и более экзотические псевдонимы... Учитывая специфику моего положения, суд мне не откажет. Читаю в газетах о виновниках разных трагических событий и на

секунду примеряю на себя их имена, как примеряют пиджак: подходят они мне или нет? Это трудное упражнение, даже если выполнять его только в воображении. Как я смотрюсь с именем Филиппо? Или Джованни? Или Питер? Предлагать такой кульбит человеку моего возраста – это бестактно. Наима говорит очень складно: к концу каждого сеанса она остается при своем мнении. Для вида я соглашаюсь, хоть и с некоторым трепетом:

– Если завтра я проснусь, и меня будут звать Андреа, возможно, это изменит всё.

– А что, для вас это было бы проблемой? – каждый раз спрашивает она.

Незнакомым людям все равно, как меня зовут. Я могу придумать себе имя, похожее на пароль от Wi-Fi, где будут строчные и прописные буквы. Но попробуй объясни это двадцати тысячам жителей нашего городка. Все знают, кто я и откуда. Я рожден и возвращен в чертогах Зла. Они не могут отделить меня от моего отца. Задача и вправду нелегкая, даже для меня: моя идентичность не сводится к тому, как воспринимаю ее я; не менее важно и то, как воспринимают ее другие. И теперь я увяз в этом. Первичный бульон возник в 1986 году, когда я родился, и существует до сих пор. Обнулить чье-то имя значит обнулить чью-то жизнь. Первое, что следовало бы сделать, – уйти. Если хочешь поменять документы, ты должен действительно порвать с прошлым, иначе твой поступок будет фиглярством. Растворись в пустоте, и тогда никто не сможет тебя разоблачить.

В статье говорится, что с начала года пропавшими без вести числятся 562 человека. Их следует добавить к остальным 52 990, следы которых затерялись с января 1974 по декабрь 2017 года. Но историю по крайней мере трех маленьких девочек все же удалось воссоздать.

Лаура остается Лаурой, она неподражаема. Впервые я увидел ее на фотографии: следствию надо было удостовериться, что я не замешан в деле, что я действительно ничего не знал о похищениях. Я долго всматривался в это лицо, даже не слышал вопросов, которые мне задавали. Травма была еще слишком свежа, я горстями глотал транквилизаторы. Глаза в глаза с этой девушкой, всего на год-два моложе меня. Больше всего меня поразила ее улыбка: едва заметная тень в уголках рта. Кто-то обессмертил ее в этой фотографии на паспорт. Рядом со мной сидел старый адвокат Мартини, который помнил меня младенцем. При очередном вопросе, оставшемся без ответа, он произнес: «Господа, возможно, мой клиент...» В этот момент я потерял сознание.

Мартини держал меня в курсе всех событий. «Только не читайте газеты, – повторял он. – И не вздумайте включать телевизор». Я даже не мог удрать на край света: в моих показаниях полиция надеялась найти зацепку, которая позволила бы следствию выйти из тупика. Я не присутствовал на судебных заседаниях – не хотел, чтобы мою физиономию растиражировали бульварные газеты; еще раньше я закрыл свои аккаунты в социальных сетях, иначе меня сожрали бы живьем. Но, главное, я не мог представить себе, что увижу отца на скамье подсудимых, словно подручного какого-нибудь босса мафии.

Тем временем клочок земли, которым он тайно владел в течение десятилетий, был перекопан из конца в конец, однако там не нашли ничего, ни единого волоска. Учитывая обстоятельства, Мартини вряд ли удалось бы доказать, что обвиняемый не способен на преступный умысел. Трудно сказать такое про человека, который за два дня до ареста проводил перед большой аудиторией семинар на тему «Биологическая власть, жизнь на виду и статус исключительности»? Имя девушки с фотографии я также узнал из отчетов нашего адвоката.

В то время у меня была подруга Элиза. После года близких отношений мы собирались сделать решительный шаг: познакомить меня с ее родителями. Нелегкое испытание.

Я по-настоящему любил ее. Если бы все сложилось иначе, возможно, сейчас у нас был бы сын. Иногда мы развлекались, обсуждая, как его назовем. Я настаивал на имени Альвизе, поскольку в календаре нет святого с таким именем. Она потешалась надо мной. Даже под пыткой, говорила она, я не соглашусь, чтобы ты дал ребенку такую дурацкую кличку. Я объяснял

ей, откуда взялось это имя; оно, как и его различные варианты, восходит к германскому «Хлодвиг» и вызывает ассоциации с отвагой и славой. На этом месте Элиза начинала зевать.

Мне не хватает этого ребенка. Я часто думаю о нем, пока меня от горла до сердца не испарывает раскаленным клинком одна и та же мысль: это мой отец похитил его, как и остальных. Это он забрал его и спрятал в вечном мраке громадного ящика, где пребывают нереализованные планы. Жить, тоскуя по сыну, который не был рожден, – это мучительно. Я представляю его себе двух- или трехлетним малышом с босыми ножками, в джинсовом комбинезоне на бретельках. Мы с ним на лужайке, стоит лето. У Альвизе глаза матери, белокурые волосы. Он зовет меня, и от его безмолвного крика лопаются стекла. Тогда Наима назначает мне очередной курс сильнодействующего успокоительного, чтобы я хоть немного спал по ночам.

В первое время Элиза значила для меня очень много. Я тогда жил, словно держа в руках собственные кишки. А она не знала, что сказать, она оледенела от ужаса не меньше, чем я. «Ты должен выстоять», – говорила она и прижималась к моему плечу. На большее она была неспособна. Я читал это в ее глазах, слышал в ее голосе: она и сама все понимала. Чувствовать, что мне нельзя помочь, – это было как бесконечное низвержение во тьму.

Если бы еще в доме оставалась Сумира – с виду такая нелепая, с ее несуразными выходками, но при этом мудрая и чуткая. Оплатив учебу Василе и отложив некоторую сумму на будущее, она покинула нас. С тех пор прошло десять лет. За это время в Румынии многое изменилось, и я надеялся, что у нее все в порядке. И молился, чтобы она оставалась там, в затерянном уголке Валахии. Наслаждалась благополучием после тяжелой жизни, которую целиком посвятила сыну, семье. А потом Мартини сказал мне, что ее тоже вызывали для дачи показаний. Кто знает, что она почувствовала, узнав, что жила под одной крышей с маньяком. Готовила для него еду, гладила ему рубашки. Возможно, сейчас настал ее черед просыпаться с воплями ужаса.

Весь наш квартал был в шоке от этой новости. В городке только об этом и говорили. Тихое местечко у моря, где летом кипит жизнь, а зимой замирает, вдруг наводнили микроавтобусы с телевизионщиками. Вначале мне приходили трогательные послания от друзей, которые заверяли меня в своей поддержке. Непонятно было, однако, что мешало им позвонить в мою дверь.

Местным газетам и телестудиям наконец-то досталось свежее мясо, их заголовки и сюжеты попали в большую прессу и выпуски новостей крупных телеканалов, и не только в стране, но и за океаном. Повсюду звучала одна и та же фраза: «Монстр с побережья задержан полицией». Следуя советам Мартини, я безвылазно сидел дома. Элиза поначалу держалась, но уже через две недели не могла заставить себя прикоснуться ко мне. Она была напугана внезапно вспыхнувшим интересом к ее персоне; страшнее всего были комментарии жителей городка, которые называли ее «невестой сына этого самого». Она стала смотреть на меня по-другому, как будто из-за случившегося с ее глаз спала пелена: и профиль какой-то не тот, и взгляд странный, и телосложение хлипкое... Я выбрал то же направление в науке, что и мой отец, и продолжал его исследования. Мне удалось добиться некоторых успехов и заткнуть рот завистникам, утверждавшим, что я всем обязан покровительству отца. Я много работал, ставя перед собой конкретные цели. С определенной точки зрения, я мог показаться клоном отца, его обновленной версией. У меня даже стали редеть волосы на висках, как у него.

Элиза его хорошо знала. Она была поклонницей мексиканской кухни и часто, колдуя у плиты, следовала рекомендациям почтенного профессора Карло Марии Балестри, который знал всё обо всем, включая секреты приготовления деликатесов Центральной Америки. Когда выяснилось, что под личиной милого, добродушного коротышки скрывалось чудовище, это стало для нее шоком. Возможно, помимо ее собственной воли в ней зародилось подозрение, которое было тогда у всех: вдруг и я несу в себе семя зла? С такими мыслями трудно планировать совместное будущее и заводить ребенка. Еще полтора месяца назад она с нежностью смотрела на мой искривленный мизинец. Сейчас он казался ей печатью Сатаны.

Признаваясь мне в этом, она плакала: у нее больше не было сил. Она с трудом заставляла себя выйти из дому. На улице ее сторонились, и даже те, кто здоровался, перешептывались у нее за спиной. Я не смотрел телепередачи на эту тему, не читал газетные статьи; она, наоборот, их смаковала. Еще бы, такое громкое событие. Городок будет жить им несколько десятилетий: теперь его главная достопримечательность – не лазурное море, не белый песок пляжей, а монстр с побережья. Элиза без конца извинялась, рыдания не давали ей говорить. Ей надо было спасти себя. Именно она внушила мне определенный ход мысли: однажды она вдруг сказала: «Кончится тем, что я тоже окажусь под замком в этом ящике».

В лице у меня был близкий друг по имени Маттео Лоренци. Мы оба увлекались сборкой моделей, но он был настоящий мастер-миниатюрист. Он начал этим заниматься еще в детстве, а к семнадцати годам стал королем пластилина. Часть своей комнаты он превратил в мастерскую. А его рабочий стол! Никакого сравнения с уголком стола, на котором я время от времени собирал модели самолетов, мало-помалу переходя на космические корабли. В моих глазах комната Маттео Лоренци напоминала мансарду художника. Меня приводили в восторг его инструменты: миниатюрный токарный станок, крошечные щипчики, даже кислородная горелка. Повсюду лежали листы миллиметровки с чертежами, сделанными от руки. Он пользовался для работы специальными очками с дополнительной увеличивающей линзой. Когда он усаживался за свой верстак, то надевал латексные перчатки, словно хирург перед операцией на открытом сердце. Его лицо мгновенно принимало серьезное выражение, и он прекращал разговор.

Мне нравилось наблюдать за ним. Он сидел, низко склонившись над работой, подцеплял крючочком с тыльной стороны ладони крошечные комочки пластилина и налеплял их на остов из проволоки, закрепленный на пробке от шампанского. Часто поднимал голову, чтобы взглянуть на плакаты, висящие на стене напротив и изображавшие разнообразные человеческие тела. Женские и мужские фигуры, в том числе толстые и старые. Кисти рук, ключицы, глазные яблоки... Он отщипывал крохотные шарики пластилина, чтобы придать объем бедру или заострить верхушку шлема.

Это была неспешная кропотливая работа, требовавшая максимальной сосредоточенности. Кто угодно умер бы от скуки, глядя на это зрелище со стороны. А меня оно успокаивало: все вдруг исчезало, значение имело только одно: получится или нет фигурка зверя или сапожок пирата-киборга с единственным громадным глазом во лбу. Здесь было два воинства, одно на стороне Добра, другое на стороне Зла. Добро олицетворяли воины в стиле фэнтези, с палицами, энергетическими щитами и лазерными пушками, висящими на плече. Воплощением Зла были инопланетяне. Шайка звероподобных мутантов, из которых одни напоминали рептилий, другие – гигантских слизней или пауков с огнедышащими панцирями. Все они стояли в застекленном шкафчике, похожем на музейную витрину. На каждого персонажа было заведено досье с указанием его роли, боевых навыков, оружия, слабых сторон... Приводились даже краткие сведения о его прошлом и происхождении. Все это Маттео записывал в альбом, который разрешал мне смотреть, предварительно убедившись, что я вымыл руки. Здесь же помещались фото участников обоих воинств анфас, в профиль, в три четверти и со спины. Их набралось уже очень много.

Не хватало только сюжета, который бы все это объединил. Мы с Маттео часто говорили об этом. Он еще не решил, как будут называться обе армии и планета, где происходило действие. «Пока что я прорабатываю персонажей», – заявлял Маттео. Заниматься этим он начал в семь лет. Иногда брал одну из фигурок, успевшую затвердеть, и переделывал ей голову, а затем ставил на полку к остальным. Ближе к вечеру он просил меня помочь ему, и мы с ним придумывали новых воинов. У меня хорошо получалось подбирать им имена. Я очень гордился именем Джейсон Вуд, которым однажды в порыве вдохновения назвал заместителя командующего армией мятежников. Солдат удачи с роботизированной рукой, которая способна снести

горы. В тот момент я сидел, склонившись над листом миллиметровки. Когда я произнес это имя, у Маттео загорелись глаза: дать имя воину – это было самое главное. В его воображении пластилин мгновенно приобретал нужную форму.

Разумеется, на конкурсах моделлистов он получал награду за наградой, просто отправляя фотографии своих миниатюрных армий. Он не выставлял эти кубки и памятные знаки напоказ, а держал их в углу шкафа. В мире, существовавшем за стенами дома, находились ненормальные типы, способные выложить целое состояние за шестисантиметровую фигурку Супермена от известного мастера. А Маттео Лоренци уже приобретал известность, несмотря на юный возраст и вечные конфликты с матерью: до недавних пор она с трудом выносила увлечение сына «игрой в солдатики». Каждое Рождество, каждый день рождения превращались в пытку: Маттео не хотел ни денег, ни одежды, ни скутер, а только новый набор инструментов. Или пластилин. Или пособия по анатомии. Когда пришел первый материальный успех, она словно проснулась: неужели на этих маленьких штучках можно заработать? Сын смеялся ей в лицо. В Америке и в Японии люди зарабатывали на них столько, что покупали себе виллы. А вот отец Маттео ничего не говорил. Потому что его не было. Отец Маттео покончил с собой, когда сыну было двенадцать лет.

Я не спрашивал его об этом, а сам он эту тему не затрагивал. Но все в городке знали: однажды утром инженер Лоренци не пришел на работу. Его нашли после полудня в сосновой роще недалеко от пристани: он повесился.

Мы с моим отцом часто говорили об этом. Меня интересовал простой вопрос: зачем? Окно, распахнутое во мрак. А ведь у этого человека были жена и сын, дома, хорошая работа... Но он ушел, как будто все, чего он добился в жизни, не стоило ломаного гроша. Он не страдал тяжелой болезнью в последней стадии, у него не было никаких серьезных проблем. Но Риккардо Лоренци покончил с собой. Мой отец устремлял взгляд в пустоту. Он не знал, что сказать. Обычно он с глубоким вздохом говорил: «Будь внимателен к своему другу. Или вот что: давай в ближайшие дни пригласим его на ужин?».

Маттео казался обычным подростком, с заморочками и недостатками, присущими его возрасту. Что творилось в его душе, неизвестно. Быть может, детская игра в армию монстров и армию доблестных воинов помогала ему разобраться в себе, понять, где Добро, а где Зло. Он переносил в пластилин извечную борьбу между двумя мирами, придавал ей форму, присваивал имя и ставил перед ней задачу. Чтобы потом поставить в шкаф.

Я тоже увлекся этой игрой. Регулярно бывал в доме Лоренци под предлогом, что помогаю ему делать домашние задания по латинскому и древнегреческому. «Ну ты и бездарь», – смеялся он, глядя на неуклюжие поделки, выходявшие из моих рук. Но я уже втянулся, полюбил этот тихий уютный мир маленьких вещей. Оставив наполовину собранную модель в коробке, я корпел над изготовлением инопланетных чудищ. За окном могли сыпаться бомбы, но мне было не до того: я лепил головной убор для космического корсара. Я дважды обмотал голову корсара проволокой, и у меня получилось что-то похожее на шапку, хоть и сидела она криво. Вот оно, мое собственное маленькое чудище. Нечто, живущее у меня внутри, похожее на меня. Выходит, я даже любил их, эти свои уродливые миниатюры. Пусть краска на них ложилась комками, поверхность бугрилась, а деталям недоставало изящества – они были моей фотографией.

(Приятно думать, что сегодня Маттео Лоренци – главный художник крупной компании в Лос-Анджелесе. Одна фирма приобрела его миниатюрные армии Добра и Зла и создала на их основе видеоигру. Теперь эти персонажи, возникшие из бездны горя и одиночества, живут в домах у миллионов мальчишек. Союзники прыщавых подростков во всем мире, они стали для них отдушиной, а быть может, даже спасением.)

Элиза ушла, и я стал следить за Лаурой. Где-то во внешнем мире бушевали бури слухов о монстре с побережья. А я лепил миниатюры: ее лицо, каким увидел его на той фотографии. Я покрывал пластилином пластмассовый череп величиной с ноготь, пытаюсь добиться

сходства. Я мог сверяться только с воспоминанием, смутным, как туман, застилающий глаза при обмороке. Иногда я ошибался настолько, что держал в руке голову умственно отсталой девочки. Или незнакомки, живущей где-то далеко, возможно, воспитательницы детского сада из Австралии. А порой мне все же что-то удавалось. Например форма скулы. Или тень от тени той едва заметной улыбки, которая когда-то так меня поразила. В такие моменты я пугался самого себя: неужели я похож на человека, державшего ее в плену? Неужели и мне нужна кукла, с которой я могу нянчиться? В такие моменты я обдирал с головок пластилиновые лица, оставляя только кости. Потом просил у них прощения. Именно в этот период Мартини познакомил меня с Наиме.

Сейчас она довольна, говорит, что мое решение – большой шаг вперед. «Новое имя – новая жизнь», – так она говорит. Я вылепливаю себя с помощью новенького удостоверения личности, но проволочный остов, из которого я возник, никуда не делся. «Это пройдет», – говорит Наима. Нужно набраться терпения, дать пластилину затвердеть.

Впрочем, для жителей городка я тот же, кем был раньше: Лука Балестри. Никто, кроме карабинеров, не знает, что скоро мне пришлют водительские права, в которых указано другое имя. Что я стал кем-то другим.

Иногда мне не хватает общения, и я читаю биографии знаменитых преступников. Среди них есть маньяки, уничтожившие сто девяносто человек. Есть и истории о сексуальном насилии, но их я пропускаю, мне интересны другие подробности. Стоит только заглянуть в интернет, как перед тобой откроются неисчерпаемые архивы уголовных дел, и в каждом – уйма данных: место рождения, рост, вес, способ убийства, список установленных жертв, место заключения. И дети. Последний пункт я читаю внимательнее остальных. Однако о детях говорится очень редко; наверное, потому, что им удалось уклониться от последствий, которые влечет за собой дурная слава, – книг, интервью, телепередач. Людям ужасно хочется знать, каково это – жить под одной крышей с убийцей. Такой информационный материал хорошо продается. Обычно те, у кого его можно получить, предпочитают оставаться в тени и зализывают раны. И не соглашаются за небольшие деньги появиться на четверть часа в ток-шоу и выворачивать перед публикой свою ДНК. То же самое относится к жертвам. Тех, кто выжил и после этого выставляет себя напоказ, можно сосчитать по пальцам одной руки. Остальные собирают обломки своей жизни и пытаются их склеить. В тишине.

Что все еще поражает меня в Лауре, так это ее уверенная манера закуривать. И то, как привычно она управляется со своим айфоном. Когда ее похитили, она была ребенком и интернет находился на начальной стадии развития. Она была выключена из жизни на четырнадцать лет. За это время мир совершил гигантский рывок; но, судя по тому, как Лаура ведет себя на улице, она неплохо ориентируется в этом новом мире.

Парень, с которым она встречается уже несколько месяцев, очевидно, ей подходит; он студент, изучает архитектуру. Три раза в неделю подрабатывает по вечерам официантом в ресторане. Они ведут себя, как все пары, гуляют по центру города, ходят в кино, иногда на концерт с друзьями. Потом идут к нему. В этот момент я прекращаю слежку.

В день восемнадцатилетия я получил неожиданный подарок – собственное жилье. Я держал в руках документ, не вполне понимая, о чем идет речь. Отец захихикал. «Ну, что скажешь?» – спросил он наконец. А что я должен был сказать? Согласно этой бумаге, я становился собственником квартиры, в которой мы жили (то есть я в любом случае рано или поздно стал бы ее собственником). Я сказал спасибо, но, очевидно, не смог скрыть некоторого разочарования. Отец все еще посмеивался; он был в полном восторге. «Что бы ни случилось, эти стены у тебя уже никто не отнимет», – произнес он. Я удивленно взглянул на него: а с чего бы кому-то устраивать мне такую пакость? Но он больше не мог сдерживаться – вытащил из кармана брюк и положил на стол ключ. Ключ с логотипом «пежо». «Она твоя, – сказал отец. – Только не трепли мне нервы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.